

Глава первая

Крокодилы, бегемоты и зеленый попугай

— Раз, два, три, четыре, пять! — девушка-красавица пересчитала вешалки в моих руках и вручила мне массивную пластмассовую бирку с цифрой.

— Вышел зайчик погулять, — машинально договорила я и, боднув головой занавеску — руки были заняты, — внедрилась в примерочную кабинку.

Зайка в моем лице сегодня вышла не просто погулять, а прикупить новых нарядов. И не по доброй воле она, то есть я, это сделала, а под давлением Натки, которая твердо решила, что мне пора пополнить гардероб.

А сестру мою надо знать: уж если она что-то решила — остановить ее смогут только танки. И вовсе не стихотворные японские изречения, а бронированные огнедышащие машины. Да и то, если танкистами будут роботы бессердечные, которые не растают от ее томных вздохов-охов. При этом Наткиным упор-

ству и целеустремленности могло бы позавидовать средневековое стенобитное орудие. Эх, эти бы ее качества — да в мирных целях...

— ...девять, десять. Девушка, у нас можно максимум шесть... — донеслось из-за шторы.

— Не надо мелочиться! К чему эти ограничения?! — эхом откликнулась невидимая, но ясно слышаемая сестрица.

Свистнула отдернутая занавеска, проскрежетали колесики тележки, боковая стенка моей кабинки содрогнулась от удара.

Не зря я помянула стенобитное орудие — вот оно и пожаловало! С тачанкой, нагруженной, вопреки исторической точности, не «максимом» с приставленной к нему пулеметчицей, а десятком вешалок с новыми тряпками.

— Лен, ты здесь? — вполголоса позвала меня сестра из-за фанерной стенки, продолжающей мелко вибрировать. — Что понравится — сначала мне покажи, а то снова купишь фигну какую-нибудь. И ту фуксию примерь обязательно!

— Когда это я покупала фигну? — обиженно проворчала я, бережно пристраивая на вешалку свой пиджак.

Дискутировать с Наткой мне не хотелось — было понятно, что разговор этот услышат и продавщицы, и дамы в очереди, а посвящать посторонних в подробности моей интимной жизни я не собиралась.

Да, я редко покупаю себе новую одежду и не слишком пристально слежу за модой, но при этом всегда выбираю вещи качественные и красивые.

Хотя, конечно, красота — понятие в значительной степени субъективное. Мне вот нравятся сдержанные однотонные наряды классического стиля, а Натка в бешеном восторге от всего летящего, полупрозрачного, яркого. Красота же? Красота. Но мне в шике-блеске некомфортно, тогда как Натка превосходно себя чувствует и в пене кружев, и в море блесков, и в ярких бесконечных переливах люрекса, и в строгих деловых джерси.

Я аккуратно повесила свой серый пиджак, расстегнула белую рубашку и в сильном сомнении посмотрела на блузку, которую всучила мне Натка. «Ой, какая шикарная фуксия! — бурно восхитилась она, увидев эту тряпочку на манекене в торговом зале. — Именно то, что тебе нужно!»

Ну-у не знаю, не знаю...

Блузка была розовой, но не такой, как одноименный благородный цветок, а как фламинго на неоновой вывеске ночного клуба. При одном взгляде на нее у меня начинали болеть глаза! Хотя, возможно, если притушить ее темным пиджаком...

Зажмурившись, я все-таки надела эту блузку цвета бешеной фуксии и посмотрела на себя в зеркало.

Ой, мама дорогая!

Или даже не мама — бабушка!

Из зазеркалья на меня испуганно смотрела костюмированная старушка. Блузка-то у нее была новая, розовая и блестящая, а вот лицо и шея — старые, желтовато-серые с прозеленью, тусклые и мятые, как жеваная тряпочка.

Я запаниковала и содрала с себя сомнительную розовую красоту, в спешке едва не лишив ее пуговиц, которые пугающе затрещали. Дрожащими руками отбросив термоядерную фуксию подальше в угол, я снова посмотрела на себя в зеркало.

Фу-у-ух... Ничего я не старушка, нормальная женщина «слегка за сорок». По нынешним меркам — эффектная молодая дама. Ну, не свежа как роза, зато вполне элегантна как хризантема.

Я торопливо облачилась в свою скучную белую рубашку и удовлетворенно кивнула отражению: вот так нормально, все хорошо.

Да ну его, этот новый гардероб, мне и со старым неплохо живется — без риска получить обширный инфаркт при одном взгляде в зеркало!

Я надела свой пиджак, одной рукой подцепила вешалки с нетронутым барахлом, другой схватила подлую фуксию и, держа ее на отлете, как какую-то заразу, вышла из примерочной.

— Ничего не выбрали? — огорчилась девушка-красавица, когда я свалила на стол перед ней все магазинное тряпье оптом.

— В другой раз, — лживо пообещала я и вышла из закутка с примерочными в торговый зал.

Странное дело: на манекене та же самая жуткая фуксия смотрелась очень даже неплохо. Это, наверное, потому, что манекен пластмассовый, у него лицо идеально гладкое, нежно-розовое и с роскошным шелком не контрастирует. А у меня, скажем честно, небезупречная кожа «слегка за сорок».

Эх... Я отвернулась от раздражающе красивого и вечно юного манекена и искала глазами место, где можно присесть.

Ноги у меня тоже «40 плюс», их надо беречь, а Натка с тачанкой, полной нарядов, проторчит в примерочной не меньше полчаса...

— Идем отсюда! — кто-то цапнул меня за локоть и повлек к выходу из магазина.

— Ты? — искренне удивилась я, оглянувшись и увидев сестрицу.

Натка выглядела строгой и даже злой, что нетипично: обычно шопинг приводит ее в наилучшее расположение духа. Впрочем, она же ничего не купила: в руках ни тряпок, ни пакетов.

— Ты ничего не выбрала? Не узнаю тебя, — вслух удивилась я.

— Я, знаешь, сама себя не узнала, — ворча, как сердитый медведь, сестра выволокла меня на улицу и потащила вдоль витрин. — На животе жир! На боках жабры! На шее морщины! И будто даже ростом меньше стала — ну, чисто карликовый бегемот!

Я резко затормозила, вынудив остановиться и разогнавшуюся сестрицу:

— Ты тоже?!

— В смысле? — Натка недоуменно моргнула.

— Я посмотрела в зеркало — и увидела там не себя, а какого-то старого крокодила! — пожаловалась я.

— Да? — горестные морщинки на лбу сестрицы разгладились. — Так это не в нас с тобой дело, стало быть. Эти идиоты в кабинках со светом намутили и зеркала неправильно повесили, вот мы и выглядим в них как старые кошелки! А я-то чувствую, что кривое зеркало...

Она развернулась к витрине, у которой мы остановились, и погляделась в зеркальное стекло:

— Ну, вот же! Высока, стройна, бела... Совсем другое дело!

— Угу, — я тоже посмотрела на пару вполне прекрасных дам в зазеркалье. — Мы еще очень даже ничего...

— И вовсе я не толстая, — Натка, уже успокаиваясь, огладила свои бока. — Так,

идем пить кофе с пирожными, мы еще можем себе это позволить, а нервы надо как-то успокоить, я такой стресс пережила, ты не представляешь...

— Прекрасно представляю, — я возразила, но не против кофе с пирожными.

Запить-заесть пережитый ужас представлялось правильным решением.

Ух какая страшненькая бабусяка явилась мне в зеркальном омуте примерочной кабинки... Как вспомню — так вздрогну! Неужели я действительно становлюсь такой? Ладно, положим, сейчас виноваты кривые зеркала и плохой свет, но что будет через десяток лет?

— Надо что-то делать, — поразительно точно попав в мои скорбные мысли, вздохнула Натка, когда мы уже сидели в кафе. — Я не хочу становиться некрасивой бабушкой. И не смогу! Я, если буду видеть в зеркале такой ужас, руки на себя наложу! Дряхлые, морщинистые руки в пигментных пятнах, со скрюченными пальцами, изуродованными артритом...

— Ну, ну, Остапа понесло, — я усмехнулась, но невесело. Видение морщинистой бабули в зеркале преследовало и меня тоже. — Не драматизируй, пожалуйста. Для своих лет ты на редкость хорошо выглядишь.

— Вот! Для своих лет! — Натка голосом выделила местоимение. — А мне уже... не буду

говорить, сколько, ты сама прекрасно знаешь. И я должна наконец устроить свою личную жизнь.

— У тебя есть Таганцев, — напомнила я. — Выходи за него замуж — и все устроится.

— Надолго ли? — Натка вонзила вилочку в пирожное и яростно расковыряла его. — Костя моложе меня на несколько лет...

— Всего на три года!

— А мужики даже жен-ровесниц со временем бросают, потому что те им кажутся слишком старыми! — Натка выпила кофе, как водку, — залпом, и с вызовом пристукнула чашкой по столу. — Ну, выйду я сейчас за Таганцева, и что меня ждет лет через десять? Развод и одинокая старость?!

— Костя не такой.

— Все мужики такие.

— Не все! Некоторым важнее не красота, а доброта, заботливость, душевная близость...

— Я физической хочу...

— Одно другому не мешает.

Натка задумалась, и я наконец тоже попробовала пирожное. Вкусное... Интересно, много ли жира оно добавит моим бокам?

— Как ты думаешь, почему Таганцев влюблен в меня, а не в какую-нибудь заботливую замухрышку с добрым сердцем? — спросила вдруг Натка.

Рот у меня был занят пирожным, и я только поморгала, побуждая ее продолжать.

— Потому что я красивая, — не дожидаясь ответа, сказала сестра. — Позволь напомнить, что у Кости был выбор — с тобой он познакомился раньше, чем со мной. И, если бы он ценил душевные качества выше, чем физическую красоту, то это ты, а не я, сейчас решала бы, выходить за него замуж или нет!

Я поперхнулась пирожным и закашлялась.

— Извини, если обидела. — Натка похлопала меня по спине.

— Ни... сколько...

Я утерла выступившие на глазах слезы и отхлебнула кофе, пряча за чашкой лицо, выражение которого могло сказать сестре слишком много.

Да, мне нравился Костя Таганцев, и одно время он ухаживал за мной, но моментально переметнулся, познакомившись с Наткой.

Я вовсе не ревную — мои чувства к Таганцеву не выходят за границы дружеской симпатии — и очень рада за Натку, но все же чувствую себя немножко обиженной. Самую малость. Мне просто по-женски неприятно сознавать, что я менее привлекательна, чем моя младшая сестра.

— Видишь? Значит, Таганцев такой же, как все, — заключила Натка, не заметив моей реакции.

Где-то в этой логике была ошибка. Я задумалась, пытаюсь ее отыскать, и упустила тот

момент, когда сестрица приняла важное решение.

Оповещать меня о нем она не стала, так что помешать ей вляпаться в новую историю я никак не могла.

...

— Мам, ты долго еще? Я хочу мультики!

— Еще примерно полчаса, — Натка аккуратно сложила пододеяльник вчетверо, расправила ткань на гладильной доске и взялась за утюг. — А ты пока книжку почитай.

Утюг зашкворчал, жарко дыхнул паром и поплыл неторопливым корабликом, разглаживая ткань и как будто освежая цветочные букетики на ней. Словно это и не утюг вовсе, а маленькая ручная машина времени: где она проехала — там четверть века долой. Натке очень нравилась эта бытовая магия. Жаль, что нельзя вот так разгладить морщинки на собственном лице.

С другой стороны, определенно имеет значение, к чему именно применяется магия. Как ни крути, а лицо — объект куда более сложный, чем банальный конверт из обыкновеннейшей хлопковой ткани.

Пододеяльник был старый, еще бабушкиных времен, но совершенно неубиваемый. Шли годы, а ему ничего не делалось — вот что значит настоящее советское качество!

Постельное белье из натурального хлопка Натка очень одобряла.

— И как только некоторые люди спят на шелковых простынях? — сдвигая ткань на доске, чтобы прогладить следующий участок, удивилась она вслух. — Шелк же скользкий! Простыня сползает с кровати, а человек скачивается с простыни...

— Может, они их гвоздиками прибивают? — захлопнув книжку, охотно включился в дискуссию Сенька. — Простыни к кровати... Или людей к простыням...

Он замолчал, что-то прикидывая и с пугающей размеренностью постукивая книжкой по столу.

— Даже не думай! — на всякий случай строго сказала Натка, прекрасно зная тягу сына к опасным экспериментам.

— Да что тут думать, у нас же нет шелковых простыней, — с сожалением вздохнул ребенок.

— И гвоздиков, — пробормотала Натка.

Ей нравилось чувствовать себя в безопасности, особенно во сне.

— Есть суперклей, — задумчиво молвил Сенька.

— Испортишь хоть одну простыню — не поедешь с дядей Костей на рыбалку, — пригрозила Натка и, убедившись по лицу сына, что он устрасился, прибавила громкость телевизора.